

Как российское население переживает очередной экономический кризис

М.Д. КРАСИЛЬНИКОВА

Характер влияния нынешнего экономического кризиса на повседневную жизнь российского населения, его настроения и субъективные представления, как очевидно, определяется тем, каково было состояние российского общества перед началом экономического кризиса. Заметный рост уровня жизни в начале 2000-х гг. был безусловным, но явно недостаточным для того, чтобы привести к принципиальным изменениям в структуре доходов и потребления основной массы населения по сравнению с концом прошлого века. В результате экономического роста не был достигнут такой уровень жизни массовых слоев населения, который сделал бы возможным формирование структуры доходов и потребления, соответствующих переходу к рыночному типу экономики, расширил бы возможности влияния частных потребителей на экономическую динамику, обеспечил бы свободу потребительского выбора для большей части жителей страны, позволил бы сочетать ответственность частных потребителей за обеспечение своей жизнедеятельности с возможностями государства по реализации социальных обязательств.

Ключевые слова: финансово-экономический кризис, потребительское поведение, инфляционные ожидания, рынок труда, потребительские кредиты, сберегательное поведение, динамика субъективных настроений населения

Введение

Субъективные оценки, мнения и представления населения России об экономической стороне жизни (и личной, и жизни страны) отличаются куда большей рациональностью и прагматизмом, нежели представления о социально-политической жизни общества. Более того, в той мере, в которой темпы и характер экономического развития страны зависят от действий населения как агента тех или иных экономических отношений, население выступает еще и хорошим предсказателем краткосрочной динамики экономического развития страны.

Реакция населения на экономический кризис, ставший ключевым событием прошедшего года, оказалась вполне прагматична и, в сущности, не столь уж эмоционально преувеличена, т.е. панически окрашена, усилена нерациональными опасениями.

За прошедший 2009 г. ушли в прошлое экспертные споры о том, был ли кризис «импортирован извне» или для него имелись все предпосылки внутри страны. Фактическая глубина падения основных экономических показателей в России по сравнению с другими странами не оставила места для этих дискуссий. Вниматель-

ный анализ мнений и настроений населения еще перед кризисом показывал, что в убаюкивающем мире постоянно растущей экономики страны просматривались тревожные нотки.

Прежде всего, настораживало сохранение неуверенности в завтрашнем дне, неизменно отражаемое в опросах представление населения о том, что так и не решаются жизненно важные для каждой семьи вопросы – проблемы низкого уровня жизни значительных слоев населения, постоянного роста потребительских цен, практическое отсутствие заметных успехов в работе здравоохранительной и образовательной систем и т.п. Однако все эти проблемы и тревоги были не новы, точно в таком же виде они присутствовали десятилетиями. Несмотря на постепенные улучшения, население по-прежнему в массе своей оставалось бедным, люди жили «от зарплаты до зарплаты», дающей возможность удовлетворения только первоочередных текущих потребностей (питание и одежда). Примитивный уровень экономических отношений, в рамках которых живет большинство населения страны, означает, что экономический кризис для массовых слоев населения имеет простейшие проявления – либо что-то случается с самой зарплатой, либо цены растут так, что привычной зарплатой начинает не хватать.

Финансово-экономический кризис, охвативший весь мир, в России был осознан не сразу. Первоначально российское население, находясь под гипнозом официальной пропаганды, рассматривало Россию как «остров стабильности», полагая, что кризис ее не коснется, что кризис спровоцирован чисто американскими проблемами, а стране, основные доходы которой обязаны высоким ценам на нефть и газ, никакие потрясения не грозят. Но уже осенью 2008 г. положение стало стремительно меняться. В сравнении с ситуацией в европейских странах в России кризис пробудил самые разные чувства и ожидания: состояние нервозности, растерянности или даже легкой паники у властей и энтузиазм у явных или скрытых противников нынешнего режима.

Можно сформулировать и так: в России всякая серьезная проблема немедленно возводится в ранг катастрофы, требующей пересмотра всей системы мироздания. Любые периодически повторяющиеся трудности или даже сезонные проблемы хозяйственной или общественной жизни приобретают в риторике руководства страны характер героического преодоления. Инерция советского прошлого, мобилизационного общества, отображается даже в лексике, в которой в таких ситуациях немедленно всплывает милитаристская терминология. Перед каждой зимой в муниципалитетах работают «штабы» по подготовке к зиме. Каждую осень в России начинается «битва за урожай», а если урожай хороший, как например, в 2009 г. (казалось бы, надо этому радоваться), то возникают проблемы как его сохранить или как избавиться от монополии перекупщиков и спекулянтов. И так далее. Такой «катастрофизм» только мешает решению проблем, поскольку, с одной стороны, исходит из презумпции необходимости и возможности только немедленных и глобальных перемен, заведомо недостижимых при такой постановке вопроса, а, с другой, заставляет правительство работать в «пожарном» порядке, сосредотачиваться на преодолении горящих, непосредственных трудностей, причем теми средствами, которые есть под рукой. «Чрезвычайный» характер проблем управления апеллирует и требует чрезвычайных, экстраординарных и всегда «временных»

средств. Возникающее при этом глубокое чувство удовлетворения от постоянного, но всегда героического латания дыр, заставляет быстро забывать о намерении «переделать мир». И проблемы возвращаются вновь.

Точно также, похоже, воспринимается в России и нынешний экономический кризис, хотя в рыночной экономике кризис является непреложным элементом ее функционирования, конечным, наиболее жестким инструментом согласования интересов всех участников экономической деятельности. Согласно теории циклов, экономические кризисы происходят с довольно частой регулярностью, за период жизни одного человека должно происходить несколько таких кризисов. Уж коли страна встала на рыночный путь развития, то следовало бы быть готовым к действиям рыночных законов. Другое дело, что кризис всегда приходит неожиданно, в обстановке, когда все обычные меры урегулирования экономических диспропорций себя исчерпали. В вероятностно организованной экономической жизни ни у кого нет стопроцентной уверенности в том, когда этот момент наступит.

Но в России это обстоятельство осложняется незавершенностью процессов трансформации постсоветского общества и государства. Здесь причина такого «катастрофического» отношения к любым жизненным проблемам кроется в характере общественной организации, примитивности или недифференцированности структуры политических и экономических институтов, а не в «загадочной» русской душе или уникальной российской традиции. Подчиненность исполнительной власти и парламента, и судебной системы неизбежно выражается в персонифицированности всех ключевых социальных отношений (экономических, политических), что в бюрократическом языке нынешнего режима называется «ручным управлением» (по аналогии с автоматическим управлением сложных систем), то есть практически полном отсутствии механизмов саморегулирования общественных систем.

В таких условиях, действительно, малейший сбой в цепочке последовательных взаимодействий вырастает в огромную проблему, потому что если любые процессы и отношения основаны на договорах конкретных господ «А» и «В», разрыв этих конкретных договоренностей приводит к сбою, к дефициту общих правил, а, в конечном счете, к катастрофе. Вот если бы один чиновник договаривался с другим, одна компания – с другой, а общие экономические и правовые механизмы определяли порядок их договорных отношений, то проблемы нет – просто один чиновник/компания заменяется на другого, в то время как конкретного г-на «А» так запросто не заменишь.

Слов нет, у российских жителей достаточно оснований думать, что нынешний экономический кризис действительно носит системный характер, действительно требует кардинальной перестройки экономических институтов. Но о необходимости этой системной перестройки говорят уже так давно, что эти животрепещущие вопросы отодвинулись на задний план, они стали постоянным фоном, вылиняли, как театральные задники после многолетних гастролей. И этому немало поспособствовало последнее десятилетие экономического благополучия, которое наглядно демонстрировало, что и без решения этих вопросов вполне, казалось бы, можно жить. День ото дня лучше, пусть и понемногу лучше. Реальные доходы населения росли до кризиса на 7–9% в год, у государства, благодаря «нефтяным доходам»,

появился солидный запас финансовой прочности и возможности тратить средства на укрепление режима. Все охотно соглашались с официальным названием вновь наступившей эпохи благоденствия – «стабильность», а потом даже и «островок стабильности», правда, многие при этом добавляли, что она скоро кончится. (Аналогичный период в советское время сейчас принято характеризовать как «брежневский застой»).

Несмотря на этот почти десятилетний период «передышки» (после 1998 г.), к началу нынешнего экономического кризиса российское общество пришло с достаточно скромным запасом прочности в части экономического положения массовых слоев населения страны. Десять лет экономического благополучия позволили восстановить потери первых лет перестройки, но потребительские возможности большей части жителей страны по-прежнему не выходят за рамки модели бедного потребления, ограничиваясь спектром необходимых потребностей. В первые месяцы развития кризисных явлений в экономике страны сложившаяся модель потребления сыграла демпфирующую роль, массовые слои населения почувствовали на себе влияние ухудшающейся экономической ситуации только тогда, когда были затронуты их базовые интересы, т.е. возможности обеспечения зарплат. При этом другая важная составляющая – инфляция на потребительском рынке – в российских условиях оказалась менее значимым катализатором развития кризисных настроений среди массовых слоев населения, поскольку и до кризиса рост цен был очень высок, столь же высокими были и инфляционные настроения.

Ухудшение ситуации на рынке труда, ставшее очевидным осенью 2008 г., поставило под угрозу перспективы получения трудовых доходов и немедленно вызвало бурный рост опасений ухудшения материального положения, распространение кризисных настроений среди самых широких слоев населения. При этом фактические изменения были не столь значительны. Но призраки массовых невыплат заработной платы, страх безработицы свежи в народной памяти и очень быстро реанимируются. У большинства населения заработка – это единственный источник обеспечения даже текущего потребления, размеры помощи в рамках социальных программ, пенсионной системы не велики и не могут рассматриваться как существенная поддержка в трудные времена. Сбережения есть у меньшей части населения, да и размеры этих сбережений, как правило, настолько невелики, что не могут быть серьезным подспорьем.

Именно эти два фактора стали основными в распространении кризисных настроений среди населения, этими критериями население и измеряет состояние экономики страны.

Рассмотрим, как менялись в кризисный период настроения и оценки российского населения, опираясь на данные массовых репрезентативных опросов Левада-Центра, а также на цифры экономической статистики, предоставляемой Центральным Банком и Росстатом РФ [Ежегодник «Общественное мнение»... 2003–2009 гг.; Российский статистический ежегодник... 2009; Краткосрочные экономические показатели... 2010; Бюллетень банковской статистики].

Динамика общественных настроений в целом

Сводным индикатором динамики общественных настроений является разработанный в Левада-Центре индекс социальных настроений (ИСН) [Красильникова (1) 2003, с. 124–134; Красильникова (2) 2003, с. 51–59]. ИСН является «лидирующим» показателем, т.е. его изменения происходят за несколько месяцев до того, как макроэкономические индикаторы фиксируют новые тенденции. Происходит это потому, что показатели типа ИСН измеряют субъективные настроения людей, которыми они руководствуются, строя свои ближайшие планы, принимая решения по самым разным аспектам своей личной жизни. Слово «настроения» указывает на субъективный, оценочный характер объекта измерения, но эти оценки имеют вполне реальную силу. В сущности, речь идет об измерении представлений и оценок, которые сформировались у людей по поводу окружающей их жизни, т.е. о характере всей совокупности «исходной информации», на основе которой люди принимают решения о своей жизни, точнее – о векторе изменения этого background'a. Речь идет не о «глобальных» решениях о «добре и зле», которые регулируются нормативно-ценностной системой, а о повседневных покупках и потреблении, работе, поездках и т.п. А когда эти планы реализуются, то уже экономическая статистика фиксирует результаты действий массового потребителя. Сила воздействия субъективных настроений людей на динамику экономического, политического и социального развития страны напрямую зависит от степени свободы людей, действующих в соответствии со своими настроениями и представлениями. В экономическом смысле речь в данном случае идет об уровне свободы потребительского выбора, выбора на рынке труда. Степень свободы потребительского выбора в современных российских условиях ограничивается, в первую очередь, низким уровнем платежеспособности основной массы населения. Сложно говорить о свободе потребительского выбора, когда денежных бюджетов семей едва хватает на удовлетворение первоочередных потребностей, при таком положении выбор очевиден и мало зависит от субъективных представлений и настроений частных потребителей.

Это если речь идет об экономической жизни. Но настроения точно также работают и в других сферах общественной жизни, в том числе – в политике. Поэтому индикаторы типа ИСН имеют весьма широкий спектр применения, ведь они позволяют измерять температуру общества. Простой и понятный индикатор, суммирующий мнение самых широких слоев населения – это прекрасный градусник общего пользования. И важно, что он именно «общего пользования», поскольку как раз и является одним из инструментов «обратной связи», такие показатели позволяют каждому индивидуальному экономическому агенту получить представление о том, что думают совокупные «остальные».

К началу 2010 г. социальные настроения в России стабилизировались (см. рисунок 1). Снижение общественных настроений в стране началось еще до того, как все заговорили о кризисе, т.е. в начале 2008 г. В первую половину года понижающаяся динамика ИСН была незначительной по темпам, но продолжалась на протяжении более полугода, а основное падение пришлось на три последних месяца 2008 г. и составило 17%. Ухудшение настроений продолжилось до начала весны

прошлого, 2009 г. Затем обозначился некоторый рост, который привел к надеждам на выход из кризиса. Однако эти надежды до сих пор не спешат оправдываться. С лета 2009 г. показатели общественных настроений меняются мало, и это доказывает, что с точки зрения населения оснований говорить о завершении посткризисного периода рецессии пока нет.

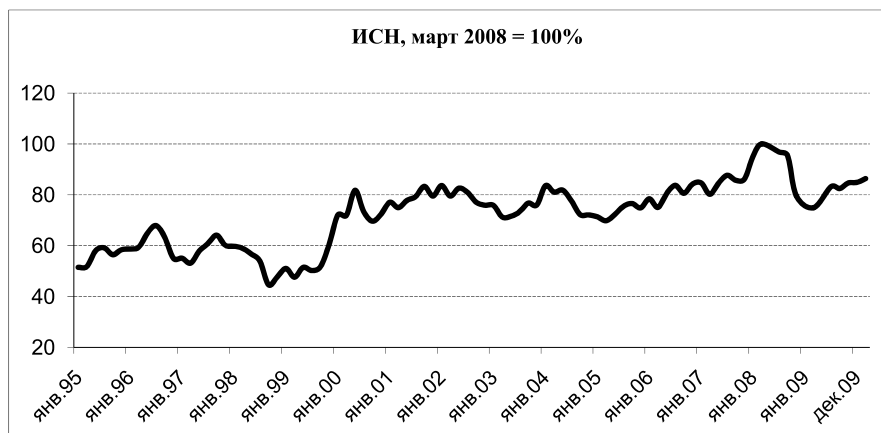

Рисунок 1. Динамика индекса социальных настроений (ИСН)
(данные Левада-Центра)¹

Инфляционные ожидания

На протяжении всех предкризисных лет благополучного экономического развития инфляционные ожидания населения оставались высокими, что было естественно на фоне сохранявшегося высокого уровня ежегодного роста потребительских цен (см. рисунок 2). Население давно привыкло жить в условиях высокой инфляции, которая загнала инфляционные ожидания населения на столь высокий уровень, что уже трудно измерять различия между «очень-очень высокими» и просто «очень высокими» инфляционными ожиданиями. Все последние годы 85–90% населения ожидали дальнейшего роста цен прежними темпами или более высокими. Поэтому признаком кризиса стал рост доли ожидавших *ускоренного* роста цен. Доля тех, кто ожидал ускорения темпов роста цен, осенью 2008 г. выросла примерно вдвое – до 42–44% от общего числа опрошенных.

Инфляционные ожидания – это как раз тот пример субъективных реакций населения, которые носят скорее апостериорный, а не априорный характер. Это характерно не только для России, но и для других стран. В России это особенно ярко проявляется, поскольку экономика страны такова, что возможности част-

¹ Все приведенные в статье данные Левада-Центра получены в ходе исследовательских программ «Мониторинг», «Курьер» и «Вестник», основанных на репрезентативных опросах взрослого городского и сельского населения России. Результаты опросов публикуются в Ежегодниках «Общественное мнение», издаваемых Левада-Центром.

ных потребителей влиять на ценообразование путем сокращения или увеличения объема потребительского спроса крайне ограничены (уровень монополизма в экономике и сила административного давления на процессы ценообразования слишком велики).

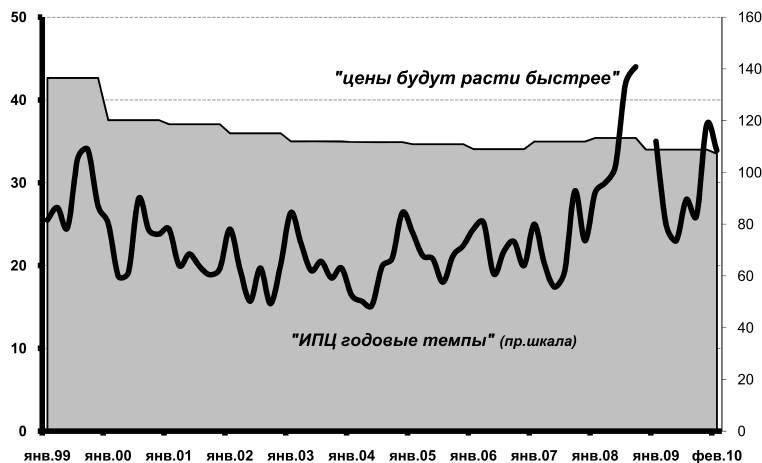

Рисунок 2. **Инфляционные ожидания**
(данные Левада-Центра)
и темпы роста индекса потребительских цен – ИПЦ
(данные Росстата РФ)

Рынок труда

Опасения безработицы стали для населения основным критерием кризисного состояния экономики. В условиях крайне слабой социальной защищенности российского населения страхи безработицы стали концентратом всего многообразия экономических взаимоотношений, и это не могло быть иначе в условиях, когда в стране годами накапливаются и не решаются жизненно важные проблемы экономических взаимоотношений.

Опасения потерять работу стали быстро распространяться среди трудящихся с осени 2008 г. (см. таблицу 1 и рисунок 3). По сравнению с началом 2008 г. более чем в три раза выросла доля тех, кто полагал, что в ближайшее время число безработных в стране вырастет (в ноябре 2008 г. доля таких ответов составила 75% опрошенных, а в начале года и в предыдущие несколько лет такой ответ давал только каждый четвертый-пятый респондент).

Усилия правительства по решению проблемы безработицы позволили избежать массовых увольнений, и население довольно быстро стало успокаиваться. Но снизить угрозу безработицы удалось в основном за счет административных мер, прокурорских угроз и демонстративных «Пикалевских порок». Так называемые «рыночные меры» – стимулирование развития малого бизнеса, особенно среди

безработных, очевидно опять «не задались», по крайней мере, о практических результатах этих усилий правительства известно мало.

В результате ситуация на рынке труда в последний год стабилизировалась, население все реже высказывает опасения относительно снижения зарплат, их задержек, увольнений и т.п. Экономическая статистика также подтверждает это.

Таблица 1. Динамика опасений развития ситуации на рынке труда

(данные Левада-Центра)

«Если говорить о вас и о членах вашей семьи, проживающих вместе с вами, ожидаете ли вы в связи с нынешним кризисом ...»

(в процентах к числу семей, в которых есть работающие, по столбцу)

	окт. 2008	нояб. 2008	дек. 2008	фев. 2009	март 2009	апр. 2009	май 2009	окт. 2009	январь 2010
ЗАДЕРЖЕК ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ?									
это уже происходит	10	21	30	27	30	32	26	22	22
это может случиться в течение ближайших недель	8	16	14	11	9	10	7	5	5
если ничего не изменится, это может случиться в течение ближайших месяцев	16	15	17	20	18	17	16	13	14
думаю, что в ближайшее время этого не случится	52	37	31	33	34	34	41	53	49
затрудняюсь ответить	14	11	8	9	10	7	11	7	11
УМЕНЬШЕНИЯ (УРЕЗАНИЯ) ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ?									
это уже происходит	6	17	29	30	35	38	33	26	22
это может случиться в течение ближайших недель	8	16	15	10	9	9	6	5	7
если ничего не изменится, это может случиться в течение ближайших месяцев	16	16	15	18	16	15	15	14	16
думаю, что в ближайшее время этого не случится	55	38	32	31	30	30	35	47	44
затрудняюсь ответить	15	13	9	11	9	8	11	9	10
СОКРАЩЕНИЯ КАДРОВ, УВОЛЬНЕНИЙ С ПРЕДПРИЯТИЯ, НА КОТОРОМ РАБОТАЕТЕ?									
это уже происходит	7	20	30	23	26	25	20	16	15
это может случиться в течение ближайших недель	8	13	13	8	8	9	7	5	7
если ничего не изменится, это может случиться в течение ближайших месяцев	18	18	18	21	17	19	19	16	19
думаю, что в ближайшее время этого не случится	53	33	30	36	39	37	41	52	47
затрудняюсь ответить	14	15	10	12	9	8	13	12	13
БУДЕТЕ ОТПРАВЛЕНЫ В НЕОПЛАЧИВАЕМЫЙ ОТПУСК (ОТПУСК БЕЗ СОДЕРЖАНИЯ)?									
это уже происходит				14	15	15	11	11	7
это может случиться в течение ближайших недель				7	6	8	7	5	5
если ничего не изменится, это может случиться в течение ближайших месяцев				18	16	16	15	13	14
думаю, что в ближайшее время этого не случится				42	45	45	50	58	56
затрудняюсь ответить				19	17	13	17	13	18

БУДЕТЕ ПЕРЕВЕДЕНЫ НА СОКРАЩЕННУЮ РАБОЧУЮ НЕДЕЛЮ (СОКРАЩЕННЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ)?									
это уже происходит				19	20	20	17	13	9
это может случиться в течение ближайших недель				9	7	9	7	4	7
если ничего не изменится, это может случиться в течение ближайших месяцев				17	14	16	16	12	14
думаю, что в ближайшее время этого не случится				40	42	43	46	58	54
затрудняюсь ответить				16	15	11	15	13	15

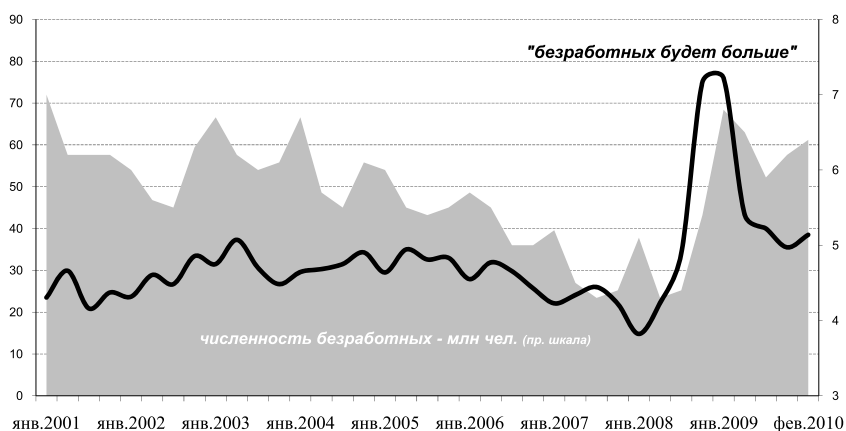

Рисунок 3. Опасения безработицы (доля ответов «безработных будет больше») (данные Левада-Центра) и общая численность безработных в экономике России (данные Росстата)

Валютный рынок

Еще один фактор, который, по мнению властей, мог испугать население – это девальвация рубля в условиях кризиса. Во властных и экспертных кругах, в средствах массовой информации широко распространено мнение, что динамика валютного курса является еще одним критерием, которым население руководствуется при оценке экономической ситуации, фактором, влияющим на экономическое поведение населения. Кризис показал, что значимость этого фактора сильно преувеличена. Большая часть российского населения мало интересуется ситуацией на валютных рынках, обменными курсами, соответственно, не оказывает давление на валютный рынок (см. таблицу 2 и рисунок 4). Причина этого – бедность, отсутствие сбережений значимых размеров, т.е. отсутствие средств, за сохранность которых нужно опасаться, накоплений, достаточных для валютных спекуляций. Отечественная валюта и сегодня является наиболее предпочтительной формой хранения тех личных сбережений, которые есть у массовых слоев населения. Поэтому усилия и затраты властей на плавную девальвацию рубля не сильно повлияли на настроения основной массы населения, хотя и были, очевидно, эффективны для спасения крупных российских собственников.

Таблица 2. «Следите ли вы за обменным курсом рубля к доллару?
Если «да», то, как часто вы стараетесь узнать обменный курс?»
(данные Левада-Центра)

	дек. 2008	фев. 2009	май 2009	фев. 2010
несколько раз в неделю	10	22	14	9
примерно раз в неделю	13	18	18	18
примерно раз в две недели или реже	9	10	16	16
не слежу	68	50	52	57

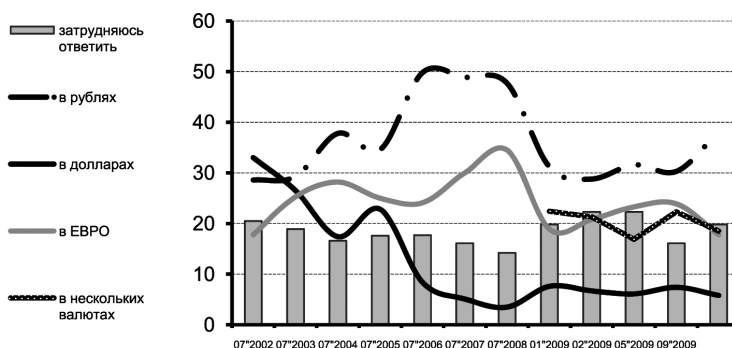

Рисунок 4. Как Вы думаете, в какой валюте сейчас лучше всего хранить свои сбережения?
(данные Левада-Центра)

Если уровень инфляции и безработицы является важнейшим для населения сигналом о состоянии отечественной экономики, наиболее значимым фактором, определяющим экономическое поведение массового потребителя, то обменные курсы валют живо интересуют относительно малочисленные группы населения, составляющие не более 20%. Однако волнения этой наиболее обеспеченной, но относительно немногочисленной части общества очевидны в прямом смысле слова, т.е. непосредственно наблюдаемы в бытовой жизни. В результате роста дифференциации личных денежных доходов российского населения в их руках сосредоточена почти половина всех доходов россиян. Именно эти группы населения обладают той свободой потребительского выбора, которая определяет значимое положение совокупного частного потребителя как агента экономических отношений, позволяет ему влиять на развитие экономики страны, делая свой субъективный массовый выбор.

Но в реакции населения на динамику валютных курсов важна не только сама по себе активность людей в пунктах обмена валют. Динамика валютных курсов в сознании массовых слоев населения прочно ассоциируется с темпами инфляции: укоренено мнение о том, что «рост курса доллара» обязательно приводит к еще более быстрому росту цен. В современных российских условиях «социальные последствия» возможного резкого изменения курса рубля (в виде тех или иных про-

явлений массового недовольства складывающейся в стране ситуацией) могут быть только опосредованными, т.е. если оно (изменение) провоцирует резкий скачок потребительских цен.

Как население реагировало на признаки кризиса?

В начале кризиса (ноябрь–декабрь 2008 г.) страхи и опасения дальнейшего развития кризисных явлений в экономике привели к резкому ухудшению оценок материального положения российских семей и заставили людей внести коррективы в свое потребительское поведение. И в этой части население показало высокую меру рыночной рациональности и прагматизма как в субъективных оценках, так и в обыденном поведении.

Сначала о **семейных доходах**. Долгие годы роста реальных доходов населения страны сопровождалось постепенным повышением субъективных оценок динамики материального положения российских семей (см. *рисунок 5*).

Рост личных доходов имел восстановительный характер, позволял залатать «дыры» в семейных бюджетах, но в гораздо меньшей степени приводил к действительно качественным изменениям в уровне жизни людей (см. *рисунок 6*).

За десятилетие реальные доходы населения выросли примерно в 2,5 раза. Рост доходов более-менее равномерно происходил во всех группах населения, и существенных изменений в дифференциации денежных доходов не произошло². В результате заметно выросли размеры наиболее обеспеченных массовых слоев населения (это люди, которые без затруднений для семейного бюджета могут себе позволить покупку бытовой техники) – с 4-5% в начале 2000 г. до (примерно) 18% – перед кризисом. Одновременно сократилась доля тех, кто едва сводит концы с концами – примерно с 30% в начале 2000 г. до (примерно) 10% – перед кризисом. Модальная (наиболее распространенная) характеристика российского потребителя сменилась с «денег хватает только на продукты» до «денег хватает на продукты и одежду».

² Согласно официальной статистике, уровень дифференциации денежных доходов немного вырос. Однако, в-первых, этот рост был относительно невелик по сравнению с драматическими изменениями в различиях денежных доходов российских семей, произошедший в первой половине 90-х гг. прошлого века, а во-вторых, официальная статистика все эти годы показывает, с нашей точки зрения, заниженный уровень дифференциации денежных доходов российских семей, плохо согласующийся с данными того же Росстата РФ, например, по результатам обследования бюджетов домашних хозяйств. Однако процесс совершенствования статистических расчетов не прерывается, и возросшие показатели дифференциации вполне могут быть результатом этих усилий. В любом случае, рост дифференциации личных денежных доходов в период между двумя кризисами был столь невелик, что не мог оказать существенного влияния на социальную структуру общества. В этот период в российском обществе начал активно протекать процесс формирования норм поведения, символических образцов различных социальных групп общества, происходило «закрепление» достигнутых в предыдущие годы экономических позиций разных доходных групп населения в виде социальных страт, групп, слоев. Начали наглядно формироваться образцы жизненных укладов, стилей жизни принципиально различных слоев российского населения, богатые, бедные, и те среднеобеспеченные, что между ними, стали все более жить каждый в своем мире, в своем социальном слое, экономическое расслоение общества все более закрепляется в социальных различиях, расслаивается, и этот процесс в первое десятилетие нынешнего века был куда более важным фактором формирования социально-экономической реальности нашего общества, нежели изменения в дифференциации личных денежных доходов как таковых.

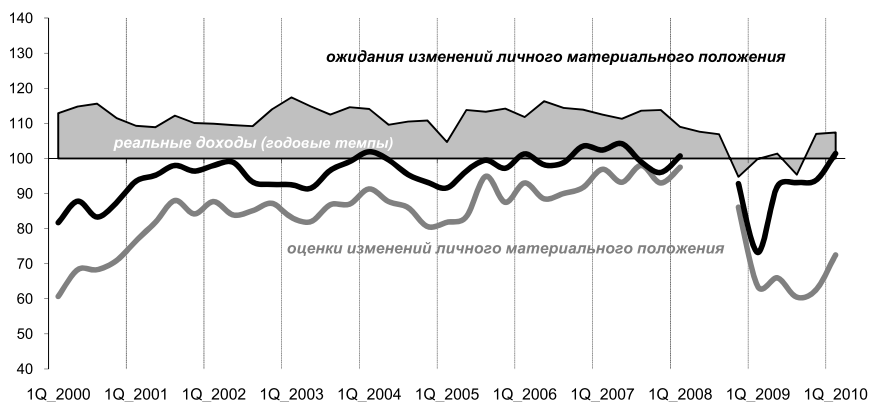

Рисунок 5. Субъективные оценки произошедших и ожидаемых изменений материального положения семьи (данные Левада-Центра) и темпы роста реальных доходов населения (данные Росстата)

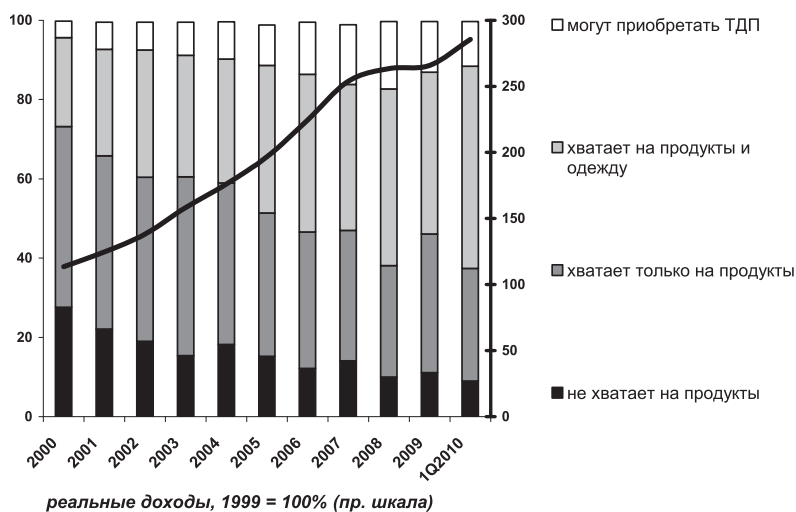

Рисунок 6. Субъективные оценки материального достатка семьи (данные Левада-Центра) и изменение реальных доходов населения (данные Росстата)

Наглядным свидетельством того, что в последний год, начиная с весны 2009 г., ситуация в стране уж точно не ухудшается, стало постепенное улучшение рассматриваемой структуры населения по субъективно оцениваемому уровню материального достатка. Доля наиболее обеспеченных граждан пока меняется мало, но в первом квартале 2010 г. доля наиболее массовой группы, т.е. тех, чьи семейные доходы позволяют питаться и одеваться без финансовых ограничений, выросла до

51% против 41% в предшествующем году. Эти изменения произошли за счет сокращения доли тех, кто оценивает материальный статус своих семей более скромно. За время экономического роста заметно сократился уровень бедности. В Левада-Центре регулярно измеряются субъективные оценки величины доходов, которые характеризуют распространенность бедности в обществе (см. рисунок 7). Это, во-первых, оценки величины прожиточного минимума и, во-вторых, оценки такого уровня семейных доходов, ниже которого семью следует считать бедной.

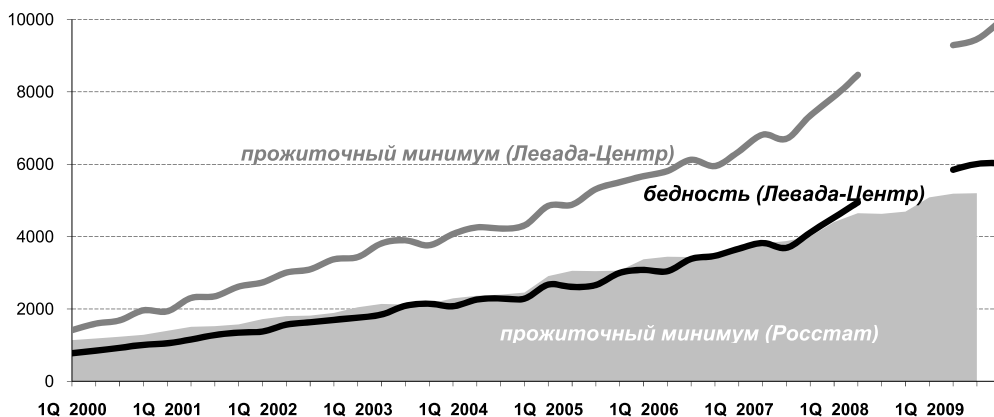

Рисунок 7. Субъективные оценки бедности
(данные Левада-Центра)

Многолетние измерения показывают, что, по мнению населения, это два принципиально различных уровня доходов — в среднем оценки прожиточного минимума почти в два раза выше, чем оценки уровня бедности. По данным опроса, проведенного в декабре 2009 г., средняя оценка прожиточного минимума составила почти 10 тыс. руб. в месяц на человека, а средняя оценка бедности — примерно 6 тыс. руб. Согласно расчетам Росстата во втором квартале 2009 г. прожиточный минимум в среднем по стране составлял примерно 5,3 тыс. руб. на человека в месяц. Таким образом, субъективные представления населения об уровне доходов бедной семьи примерно соответствуют статистическим расчетам прожиточного минимума.

На основе данных о субъективной оценке уровня доходов бедной семьи в Левада-Центре рассчитывается показатель «субъективной бедности»³, который позволяет оценить долю семей, имеющих доходы ниже уровня бедности. По этим оценкам доля бедного населения существенно снизилась за период после кризиса 1998 г. с почти 50 % в 1999 г. до 30% — перед нынешним кризисом (см. рисунок 8). Примерно такие же темпы сокращения бедности фиксирует и Росстат, однако доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, по данным Росстата, существенно ниже, чем по субъективным оценкам. Отметим, что и те и другие расчеты динамики бедности показывают, что в 2009 г. распространенность этого явления не выросла.

³ Методика расчета описана в [Красильникова 2000, с. 40–45].

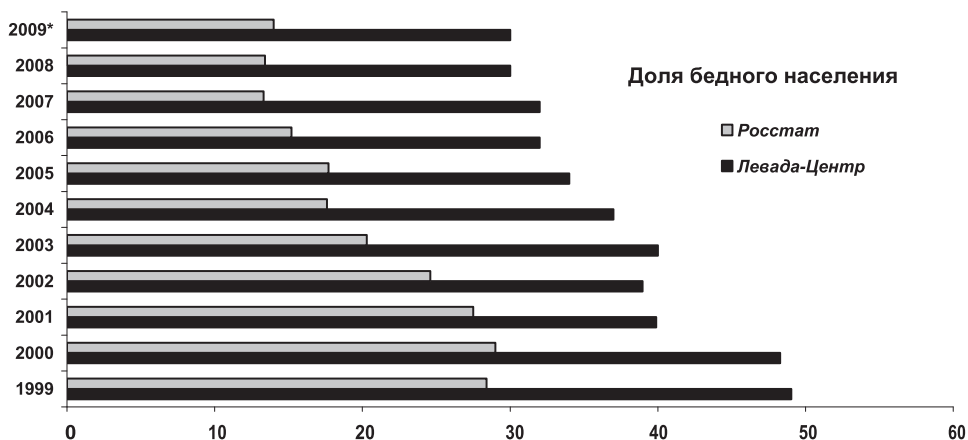

Рисунок 8. Распространенность бедности – субъективные оценки (данные Левада-Центра) и доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (данные Росстата)

* Данные Росстата за первые три квартала 2009 года. Как правило, годовые оценки доли бедного населения несколько ниже квартальных данных.

С началом развития кризисных явлений в российской экономике во второй половине 2008 г. положительные тенденции повышения уровня жизни прервались и субъективные оценки стали стремительно ухудшаться. Однако уже с весны 2009 г. отрицательный тренд поменялся, страхи поулеглись и ситуация выровнялась. Лучше всего об этом свидетельствует восстановление структуры распределения населения по субъективным оценкам материального достатка (см. рисунок 6). С одной стороны, отраженная на этом рисунке структура населения очень устойчива, нужны существенные и долговременные фактические изменения размеров семейных доходов, чтобы люди почувствовали изменения в собственном потребительском статусе. В то же время, широко распространившиеся осенью 2008 – зимой 2009 гг. кризисные страхи заставили многих иначе взглянуть на свои семейные бюджеты, еще раз задуматься об устойчивости своего материального достатка и оценить его несколько скромнее, в некоторых случаях испугавшись заранее. Мера, в которой изменилась структура распределения субъективных оценок материального достатка, начиная со второй половины 2009 г., как раз и показывает меру «необоснованного» страха перед ухудшениями, которые, как оказалось, не произошли. Однако этот страх заставил потребителей пересмотреть свои позиции, и результаты этого пересмотра отразились во вполне конкретных экономических действиях.

Потребительское поведение в условиях кризиса

Перед кризисом мы имели улучшенный (по сравнению с началом тысячелетия), но по-прежнему очень скромный образ российского массового потребителя.

У «наевшейся и одевшейся» средней российской семьи еще недостаточно свободы потребительского выбора. Действительной свободой потребительского выбора обладают 15–20% семей, которые относят себя к группе тех, кто может свободно приобретать товары длительного пользования, собственно, в их руках сосредоточена почти половина денежных доходов населения, и их потребительские настроения особенно сильно влияют на экономическую динамику.

Как повел себя российский потребитель, столкнувшись с изменением экономических условий? Какова рациональность современного российского потребителя? Инструмент ее измерения – индекс потребительских настроений (ИПН) [Николаенко, Красильникова 1994, с.46–50; Красильникова (2) 2003, с. 124–134]. ИПН является общепризнанным показателем, измеряющим динамику потребительского поведения населения. Изменение этого показателя зависит не только от субъективных оценок людей относительно своего личного материального положения, их взглядов на ситуацию в розничной торговле, но и непосредственно учитывает представления населения о динамике экономического развития страны в целом. Т.е. ИПН – это действительно индикатор субъективных представлений людей о направлении развития экономики страны. Исходя из этих представлений, люди формируют свое потребительское поведение, т.е. оказывают непосредственное влияние на то, как происходит это самое экономическое развитие. Чем выше степень экономической свободы потребителя, чем меньше степень свободы потребительского выбора ограничена удовлетворением первоочередных потребностей, тем сильнее степень влияния потребителя, т.н. массовых слоев населения, на экономическую динамику.

Как реагировало население в своей ипостаси «потребителя»? В начале – поразному, и наиболее здоровую реакцию продемонстрировал именно массовый потребитель, который сразу же стал сокращать потребление. Осенью 2008 г. высокие инфляционные ожидания привели к кратковременному (до начала 2009 г.) росту спроса только в высокодоходных группах населения, в то время как основная часть населения под воздействием опасений безработицы и падения денежных доходов (при высоких инфляционных ожиданиях) начала сокращать спрос уже тогда. Это заблаговременно показал ИПН, который стал снижаться уже с конца лета 2008 г. (см. рисунок 9).

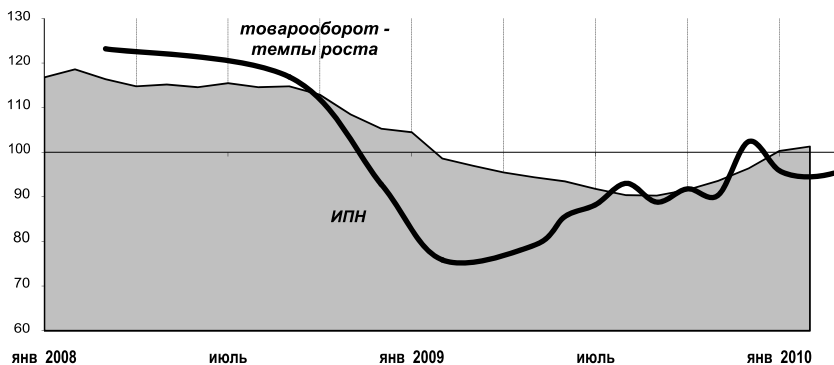

Рисунок 9. Динамика индекса потребительских настроений (ИПН) (данные Левада-Центра) и темпы роста розничного товарооборота (данные Росстата)

Таблица 3. Доля респондентов, сообщивших о том, что кто-либо из членов его семьи брал кредит в последние два года перед опросом (данные Левада-Центра)

	доля %%
2003	16
2004	23
2005	29
2006	35
2007	38
2009	29

Потребительское кредитование, точнее, кредиты физическим лицам – еще один важный фактор экономической динамики, непосредственно связанный с выбором населения, фактор, зависящий от действий совокупного потребителя. Последние годы перед кризисом в России был настоящий «кредитный бум». Еще в начале 2000-х гг. объем кредитов физическим лицам был просто незаметен в общей массе денежных доходов (был около 0%), в то время как перед кризисом объем кредитной задолженности равнялся примерно 16% денежных доходов. Согласно данным Левада-Центра, в этот период быстро росла доля семей, бравших кредиты (см. таблицу 3). При этом нужно учитывать, что, как правило, семьи брали кредит не один раз (в среднем, как показывают исследования – 2 раза). Перед кризисом как минимум треть семей имели задолженность по кредиту.

В кризисный период кредитование физических лиц в буквальном смысле «обвалилось». Люди стали гораздо реже брать новые кредиты, соответственно, сократилась до четверти доля тех, у кого еще осталась кредитная задолженность. Но заметим, что представления людей о целесообразности покупок в кредит стали ухудшаться задолго до кризиса (см. рисунок 10). Во второй половине 2009 г. кредитные настроения стали понемногу улучшаться, но процесс идет медленно, и баланс позитивных и негативных оценок целесообразности покупок в кредит остается на уровне десятилетней давности.

Что произошло с личными сбережениями российского населения в период кризиса

Про сбережения коротко можно сформулировать следующее: массовых потерь сбережений в результате кризиса не произошло. Распространенность наличия личных сбережений не изменилась – как и в предыдущие годы их имеет примерно четверть семей. В среднем размер сбережений по-прежнему невелик и соответствует примерно 4–5 месячному доходу семьи. Формы хранения сбережений архаичны – в основном, это либо крупный госбанк, либо наличные деньги. Различные инвестиционные предложения не привлекают массового «сберегателя». Более того, драгоценные металлы как форма хранения сбережений успешно конкурируют с инвестиционными фондами, добровольным пен-

сионным страхованием, сберегательными сертификатами, акциями и облигациями вместе взятыми.

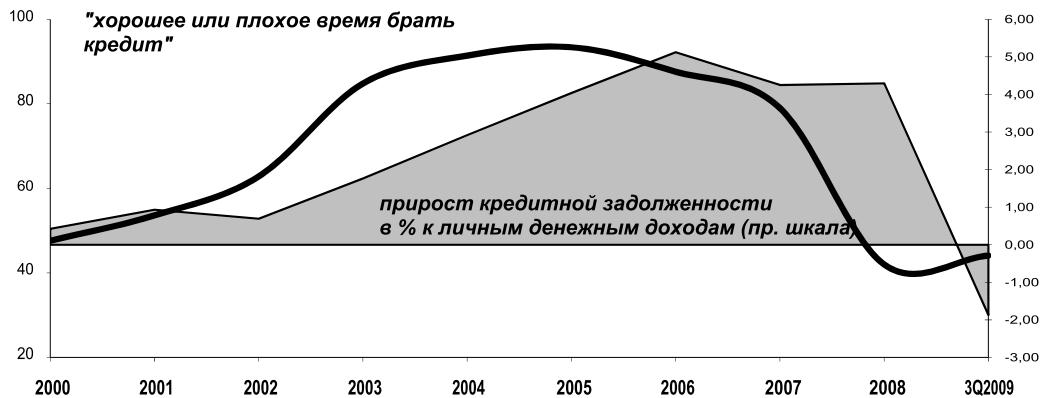

Рисунок 10. Динамика субъективных оценок целесообразности покупок в кредит (данные Левада-Центра) и прирост кредитной задолженности физических лиц в процентах к сумме денежных доходов населения (данные Росстата)

Важное изменение в сберегательном поведении российских жителей в последний год – это усиление роли страховых мотивов в структуре целей накопления сбережений (см. таблицу 4). Люди все чаще рассматривают сбережения как страховой запас. Такая стратегия накопления сбережений естественно «дополняет» описанную выше тенденцию частичного отказа от потребительских расходов, кредитных заимствований. Однако сейчас речь не идет о кардинальных изменениях в сберегательных предпочтениях: по-прежнему основная цель семейных сбережений – это накопление ресурсов для обеспечения семейных нужд. Заметный рост доли тех, кто считает нужным накапливать деньги для «развлечений и путешествий», произошел еще до кризиса и является отражением общего повышения уровня жизни, которое позволило массовым слоям населения задуматься, наконец, и об отдыхе.

В итоге, на сегодняшний день мы имеем следующее: население весьма остро отреагировало на актуальные для него проявления экономического кризиса, в доступной ему мере рационально перестроило свое потребительское поведение в соответствии с кризисными реалиями. Опасения безработицы оказались пока напрасными, соответственно, несколько улеглись страхи потери доходов, население во многом успокоилось, но возвращаться к прежней потребительской эйфории не спешит. Об этом свидетельствует то, что появившиеся в конце весны 2009 г. признаки роста потребительского оптимизма, улучшения оценок личного положения не получили пока своего дальнейшего развития. Показатели зафиксировались на одном уровне, и только замеры общественных настроений, проведенные в декабре, особенно во второй его половине, опять показали некоторый рост. Но этот рост точно имеет значительную сезонную составляющую, объясняемую массовыми предпраздничными настроениями.

Таблица 4. Структура целей накопления личных (данные Левада-Центра)

Цели накопления сбережений:	сент.2002	сент.2005	сент.2007	сент.2009
покупка дорогих вещей	14	13	11	11
покупка квартиры, собственного дома	20	21	21	22
образование	22	20	19	18
лечение	27	24	19	24
отдых, развлечения, путешествия	12	13	12	19
собственное дело, покупку акций	4	4	4	6
покупка земли, дачи, садового домика	3	3	2	6
покупка автомобиля	9	10	10	13
на всякий случай, про запас	35	36	33	41
другие цели	6	5	7	4
не стал бы делать сбережения ни на какие цели	9	7	10	11
затрудняюсь ответить	8	9	10	5

Что население ожидает от будущего экономического развития страны

Годы стабильно высоких темпов роста экономики страны (6–8% годового роста ВВП) постепенно вывели показатель экономического оптимизма населения в положительную область, где стали преобладать позитивные ожидания изменений в экономике страны⁴.

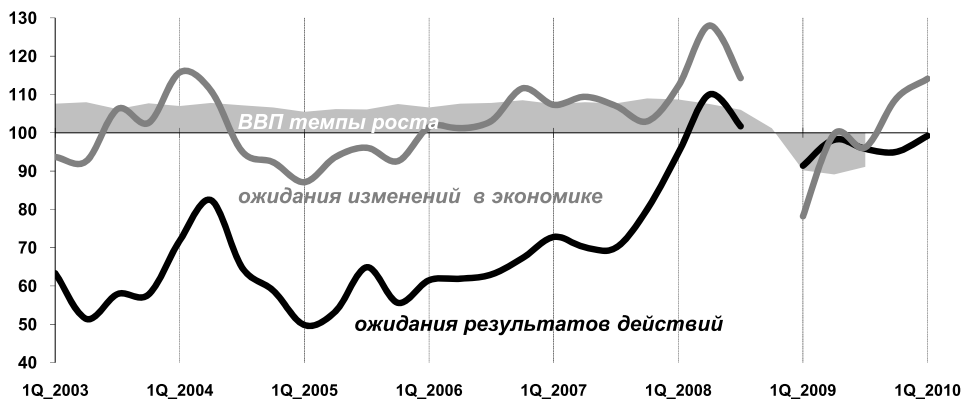

Рисунок 11. Оценки экономических перспектив страны и экономической политики правительства (данные Левада-Центра) и темпы роста ВВП (данные Росстата)

⁴ Показатель «ожидааний изменений в экономике» рассчитывается как разность положительных и отрицательных ответов на вопрос «КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ОЖИДАЕТ РОССИЮ В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ?» плюс 100.

Кризис прервал эту положительную тенденцию. Но уже в 2009 г. эти оценки стали восстанавливаться в только что описанном режиме – рост в конце весны, затем на полгода – стабилизация и только в декабре – всплеск. В начале 2010 г. надежды на улучшение положения дел в экономике продолжают расти, а оценки возможностей правительства – скорее стабилизировались.

Сопоставление динамики экономических ожиданий и оценок успешности экономической политики правительства⁵ в 2009 г. хорошо демонстрирует, сколь различна природа прагматических оценок экономической реальности и ожиданий эффективности действий правительства по исправлению экономической ситуации. Имидж нынешнего правительства, как и всего высшего руководства страны, не сильно пострадал за период кризиса. При желании это можно объяснить тем, что, как показывают данные опросов, население пока пострадало от кризиса в меньшей степени, чем опасалось. Но более правильным представляется другое объяснение – население уже давно не особенно верит в эффективность экономической политики государства и сейчас не слишком связывает восстановление экономики с усилиями правительства.

По мнению населения, окончание экономического кризиса откладывается еще на более длительный срок, чем это казалось вначале кризиса. За год (с ноября 2008 по ноябрь 2009 гг.) заметно увеличилась доля людей, считающих, что кризисное состояние российской экономики – это на годы (см. рисунок 12). Различия в распределении ответов, показанные на рисунке, на самом деле еще больше, поскольку в ноябре 2008 г. встречались люди (5% выборки), которые отвечали, что кризиса нет и не предвидится, и такие респонденты не отвечали на вопрос о сроках окончания кризиса.

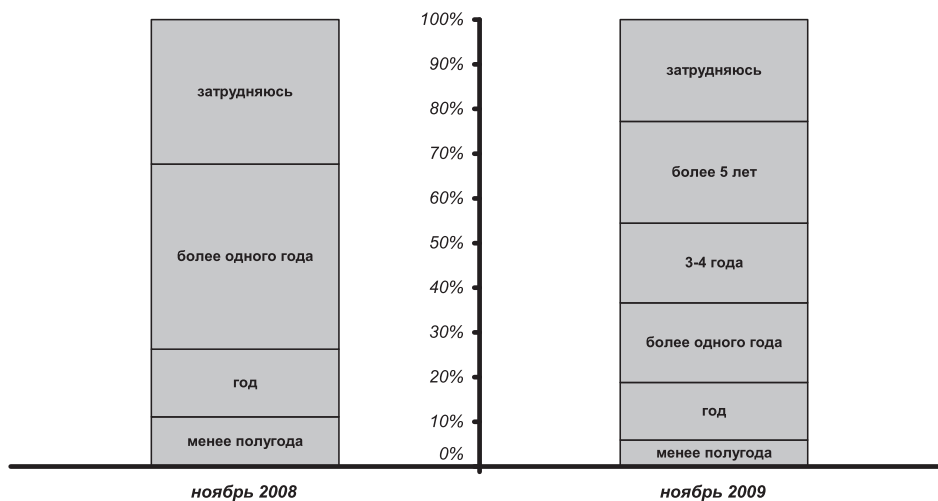

Рисунок 12. Когда закончится кризис?
(данные Левада-Центра)

⁵ Показатель «успешности экономической политики правительства» рассчитывается как разность положительных и отрицательных ответов на вопрос «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СМОЖЕТ ЛИ НЫНЕШНЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА УЛУЧШИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ?» плюс 100.

Однако возникает вопрос: о каком кризисе говорит население? О том, который есть часть мирового финансово-экономического кризиса или о куда более долговременном кризисном состоянии российской экономики? Представляется, что о втором. Это соображение подтверждается и тем, что еще в начале осени 2008 г. большинство людей считали, что кризисное состояние, в котором находится российская экономика, это не «внезапное» несчастье, а кризис назревал уже много лет.

Характер антикризисных мер, предпринятых российским правительством, а также то, как они сказались на экономике страны и как были оценены населением, показало, что в рамках сложившейся модели развития страны удалось, так или иначе, но без особых потерь для населения пережить всемирные экономические трудности. Такое положение вещей не стимулирует проведение давно назревших структурных изменений в экономике страны, а может стать дополнительным аргументом в пользу того, чтобы по-прежнему «медленно и постепенно» искать подходы к осуществлению давно назревших перемен. Сейчас это принято называть задачами модернизации. Но ведь в кризисной ситуации власти вполне справились и старым методом «ручного управления», а накопленных резервов оказалось достаточно?! Фактически получается, что кризис, начавшийся в 2008 г., продемонстрировал устойчивость сложившейся модели общества. Однако для всех, включая руководство страны (судя по высказываниям ее представителей⁶), представляется очевидным, что эта устойчивость определяется только наличием ресурсов (конкретно – накопленных «нефтяных доходов») для проведения популистской политики, а отсутствуют внутренние, встроенные в общественную систему механизмы разрешения общественных и экономических проблем.

Литература

Бюллетень банковской статистики / www.cbr.ru.

Ежегодник «Общественное мнение». Издание Аналитического центра Юрия Левады, 2003–2009 гг.

Красильникова М.Д. (1) Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России // Проблемы прогнозирования. 2003. № 2.

Красильникова М.Д. (2) О методике расчета Индекса социальных настроений / Вестник общественного мнения. 2003. № 2 (64).

Красильникова М.Д. Субъективные оценки уровня бедности в России // Вестник общественного мнения. 2000. № 6.

«Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации», март 2010 г. / www.gks.ru

Николаенко С.В., Красильникова М.Д. Индекс потребительских настроений / Мониторинг общественного мнения. 1994. № 2. с. 46–50

Российский статистический ежегодник, 2009 г. / www.gks.ru

---

⁶ См. статью «Мы очень подпрыгиваем, когда начинает шевелиться» в газете «Коммерсантъ» № 118 от 5.07.2010 г.